

Русская Православная Церковь
Московская епархия

Приходской листок

Благовещенского храма д. Матвеевское

№38 (2 декабря 2012 года).

Неделя XXVI по Пятидесятнице. Рождественский (Филиппов) пост.

Апостольское чтение на литургии

Вы были некогда тьма, а теперь - свет в Господе: поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине.

Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте.

Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить.

Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть.

Посему сказано: "встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос".

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы.

Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия.

И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу (*Послание к Ефессянам святого апостола Павла, Глава 5, 8-19*).

Святоотеческое поучение

Сказав притчу о разбогатевшем, который собирался только есть, пить и веселиться, и за то поражен был смертью, не дожив до предполагаемых утех, Господь заключил: "Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет". "Так", то есть, таковы бывают, или такая участь постигает и тех и других. Богатеющие с богозабвением только и думают о плотских утехах. Желаящие избежать этой горькой участи пусть "собирают" не "себе, а богатеют только в Бога". А так как богатство от Бога, то, когда оно течет, и посвящая его Богу, и выйдет святое богатство. Все избытки разделяй с нуждающимся: это будет то же, что данное Богом возвращать Богу. Кто бедному дает, Богу дает. Истошая как будто богатство, таковой истинно богатеет, богатясь добрыми делами, - богатеет ради Бога, в видах угождения Ему, богатеет Богом, привлекая Его благоволение, богатеет от Бога, Который верно во мале поставляет над многими; богатеет в Бога, а не себе, ибо не считает себя хозяином, а только приставником и расходчиком, вся забота которого состоит в том, чтобы удовлетворить всех приходящих к нему с нуждою, а что-либо особенно истратить на себя боится, считая это неправым употреблением вверенного ему достояния. (*Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года*).

Евангельское чтение на литургии

И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих?

И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю бо'льшие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись.

Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

(*Евангелие от Луки, Глава 12, 16-21*).

* * *

Сомненье – чадо маловерья.
Оно искусно в словопренье,
Оно внушает велегласно,
Что все старания напрасны...

Зачем стучать? Никто не примет.
Зачем искать, терпя лишенье?
Идущему грозит паденье.
Куда идти и кто подымет?

Совсем не падает лежащий,
И вообще, безгрешен спящий.
Остановись, пророче лгущий!
Одна есть Правда – Правда свыше...

И отверзается толкушим,
И обретает тот, кто ищет.
Почто злорадствует лежащий,
Он – постоянное паденье.

И где проснётся ныне спящий,
Уж не во сне ль его спасенье?
Страдания, скорби – каждый знает:
Терпеньем душу очищают...

И я шепчу, теряя силы,
Кровавя скользкую дорожку:
Вода стоячая – трясина.
Благословен идущий к Богу.

(*Иеромонах Роман,
4-5 апреля 1991. Лисье*)

Дорогие братья и сестры! Просьба не использовать приходской листок в хозяйственных целях.

КОШКА

Зима, метель. Возвращаемся на колхозной машине из города: шофер, председатель и я, — они ездили по своим служебным делам, я — по своим. Останавливает инспектор: водитель выходит, показывает документы, начинается разговор... Председатель пожимает плечами: «Вроде ничего не нарушали», — и мы вылезаем, чтобы поддержать водителя.

Инспектор, похоже, никаких претензий пока не предъявил: молча рассматривает наш «Узик» — не новый, но вполне исправный; проверяет ногтем глубину протектора на колесах, изучает работу фар, подфарников, стоп-сигналов, но все — в порядке... Наконец, остановившись перед машиной, говорит:

— Проверим номер двигателя.

Шофер открывает капот, и мы столбенеем от изумления: в моторе — кошка... Трехцветная — из рыжих, черных и белых лоскутов... Она приподнимает голову, оглядывается по сторонам, потом выпрыгивает из-под капота на обочину и исчезает в заснеженном поле.

Мы все пережили нечто похожее на кратковременный паралич... Первым шевельнулся инспектор: молча протянул документы и, бросив в нашу сторону взгляд, исполненный глубочайшей обиды, пошел к своему автомобилю. Он смотрел на нас так, будто мы предали его...

Потом очнулся председатель колхоза:

— Кто мог засунуть ее туда?..

— Она сама, — прошептал шофер, морща лоб от мыслительного напряжения, — когда мы у магазина останавливались... Наверное...

— И чего? — не понял председатель.

— Изнутри, то есть снизу, залезла погреться, — увереннее продолжил шофер, — а потом мы поехали, спрыгнуть она испугалась и пристроилась вот тут...

— Часа четыре каталась? — прикинул председатель.

— Около того, — подтвердил шофер.

Теперь, наконец, мы пришли в себя и рассмеялись — до всхлипываний и слез.

— Все это — не просто так, — сказал председатель: — они ведь сроду не проверяли номер двигателя, да и сейчас этот номер никому даром не нужен, и вдруг...

— Не иначе, сами силы небесные пожалели кошечку, — предположил водитель.

— Но тогда, — задумался председатель — и под капот ее запихнули тоже они?.. Для каких, интересно, целей?..

Кто может ответить на такой вопрос?.. Мы садимся в машину и отправляемся в дальнейший путь.

Случай этот, сколь нелепый, столь и смешной, вскоре забылся по причине своей незначительности. Однако года через два или три он получил неожиданное продолжение. На сей раз дело происходило летом.

Привезли меня в далекую деревеньку, к тяжело болящей старушенице. Жила бедолага одна, никаких родственников поблизости не осталось. Впрочем над койкой на прокопченных обоях были записаны карандашом два городских адреса: сына и дочери, — но, как объяснила мне фельдшерица, адреса эти то ли неправильные, то ли устарели, а бабкины дети не наблюдались в деревне уже много лет и вообще неизвестно — живы ли они сами. Фельдшерица эта в силу своей милосердной профессии или от природной доброты христианской души, а может — и по двум этим причинам сразу, — не оставляла болящей, но терпеливо ухаживала за ней.

— Как я боялась, что не успеем, — сказала фельдшерица, когда соборование завершилось: — Она ведь три дня назад умирала уже! Я — к телефону, позвонила вашей почтарке, а та говорит, что вы на дальнем приходе и вернетесь неизвестно когда. Я — звонить на тот приход, там говорят: вы только-только уехали... Ну, думаю, неужели бабулька моя помрет без покаяния? Она так хотела, так Бога молила, чтобы сподобил ее причаститься и пособороваться!.. Досидела с ней до самого вечера, а потом побежала домой — надо ж хоть поесть приготовить... За коровой-то у меня сноха ходит — с коровой-то у меня заботушки нет, а вот мужа надо обихаживать да и младшего — нынче в девятый класс пойдет... Наварила супу, картошки и перед сном решила снова бабульку проверить. Прихожу, а она не спит. И рассказывает: «Я, — говорит, — померла уже»... Да-да, прям так и говорит. Мол, сердце во сне очень сильно болело, а потом боль прошла и хорошо-хорошо стало... «И вдруг, — говорит, — чтой-то стало губы и нос щекотать. И тут, — говорит, — все это хорошее исчезло, и опять боль началась». Ну, она от щекотки проснулась, а на груди у нее кошка лежит и усами своими ее щекочет: кошки, они ведь к носу принохиваются, не то что собаки, извиняюсь, конечно. Видно, кошечка почувала в бабкином дыхании нездоровье какое-то и принохалась, а усами вызвала раздражение, — вот бабка и проснулась. А коли проснулась — лекарство приняла. Так и выжила. Ну, я с утра машину искать, чтобы, значит, послать за вами. Никто не дает... Потом сельповских уговорила... Так что только благодаря кошке бабулечка вас и дождалась...

Выходя на крыльцо, чуть не наступил на небольшую кошечку, шмыгнувшую в избу: рыжие, белые и черные лоскутки напомнили мне о случае на зимней дороге. Я поинтересовался, откуда взялась эта кошечка — не приبلудная ли.

— Да кто ж ее знает? — отвечала фельдшерица без интереса. — Это ж не корова, даже не поросенок: взялась — и взялась откуда-то, может, и приبلудилась...

— А сколько от вас до города?

— Двести пятьдесят километров — автобус идет четыре часа...

Вернувшись, я рассказал об этом председателю и его шоферу. Они покачали головами и не проронили ни слова.